

Об опыте систематизации законодательства в Своде законов Российской империи и его оценке в научной юридической литературе во второй половине XIX – начале XX вв.

Евгения Юрьевна Клеветова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, evgenia1996.96@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована научная литература о Своде законов Российской империи. Автор охарактеризовал, обобщил и систематизировал критические замечания юристов в отношении Свода законов. В работе выделены неконструктивные и конструктивные аспекты научной критики. На этой теоретической основе доказывается, что избранный М. М. Сперанским план систематизации оказался реальным путем, по которому впоследствии пошли и другие кодификаторы отечественного права в XX веке. В критике Свода законов выявлены обоснованные замечания, способствующие совершенствованию юридической техники систематизации. Путем их обобщения автор сформулировал сохраняющие актуальность правила проведения систематизации законодательства.

Ключевые слова: законотворчество, кодификация, российское право, Свод законов, систематизация законодательства, юридическая техника, юридический метод

Для цитирования: Клеветова Е. Ю. Об опыте систематизации законодательства в Своде законов Российской империи и его оценке в научной юридической литературе во второй половине XIX – начале XX вв. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 67–73. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-67-73>. EDN NKANPQ

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

About the experience of systematization of legislation in the Collection of laws of the Russian empire and its evaluation in scientific legal literature in in the second half of the XIX – early XX centuries

Evgenia Yu. Klevetova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, evgenia1996.96@mail.ru

Abstract. The article analyzes the scientific literature on the Code of Laws of the Russian Empire. The author characterized, summarized, and systematized the critical comments of lawyers regarding the Code of Laws. The work highlights non-constructive and constructive aspects of scientific criticism. On this theoretical basis, it is proven that the systematization plan chosen by M. M. Speransky turned out to be a real path, which was subsequently followed by other codifiers of domestic law in the twentieth century. The criticism of the Code of Laws revealed justified comments that contribute to the improvement of legal systematization techniques. By summarizing them, the author formulated rules for systematizing legislation that remain relevant.

Keywords: codification, Russian law, Code of Laws, legal technology, systematization of legislation, legal method, lawmaking

For citation: Klevetova E. Yu. About the experience of systematization of legislation in the Collection of laws of the Russian empire and its evaluation in scientific legal literature in in the second half of the XIX – early XX centuries. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):67–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-67-73>. EDN NKANPQ

Важной составляющей юридической истории справедливо считается история отдельных памятников права. Многие из них имеют историческое значение не только для национальных государств, но и для всей мировой истории. Одним из таких актов является Свод законов Российской империи, принятый в 1832г. Его принятие оказалось настолько значимым событием, что получило монументальное закрепление. На памятнике запечатлено награждение Николаем I Сперанского Андреевской звездой за разработку Свода законов Российской империи.

Выдающиеся усилия М. М. Сперанского были отмечены и его современниками. Многие из них понимали, что только благодаря личному вкладу М. М. Сперанского оказалось возможным достигнуть блестящих результатов в деле систематизации российского права [1, с. 2]. Им была разработана система Свода законов, составлен план работ, подготовлены объяснительные записки и методические материалы.

Десятки тысяч актов российского законодательства, систематизированные в Полном собрании и Своде законов, дали обобщенное представление о содержании российской юридической традиции и возможность для ее изучения и последующего развития.

Так, работа над Полным собранием законов выявила потребность в людях, способных применять исторический метод в сфере законотворчества. Для решения этой проблемы по инициативе М.М.Сперанского несколько способных молодых людей были направлены на обучение к Савиньи. Впоследствии специалисты, вернувшиеся после прохождения обучения в европейских университетах, составили честь российской юриспруденции. Многие из них стали профессорами юриспруденции в университетах, например, К.П. Неволин, И. Д. Калмыков, В. Н. Лешков, Д. И. Мейер и др. [2, с. 182–190].

Принятие Свода законов сделало его не только объектом для научного изучения, но и критики ученых. Критика Свода законов отличается и по характеру оценок, которую давали результатам свершившейся систематизации законодательства, и по степени конструктивности и профессионализма замечаний, высказанных в адрес Свода законов и деятельности его составителей.

Умеренные критики не соглашались с планом кодификации и с методикой ее проведения. В частности, М. М. Сперанского упрекали в том, что он, повинаясь высочайшей воле, не остановился на составлении Полного собрания законов. Продолжение работы над Сводом законов привело к закреплению устаревших отечественных законов и/или норм иностранного законодательства. Все это затормозило принятие нового Уложения и развитие юридической науки.

К примеру, М. А. Филиппов, доказывая ошибочность избранного Сперанским пути по направлению к Своду законов, в качестве аргументов своей позиции, по сути, приводил высказывания Сперанского [3, с. 7]. Михаил Михайлович отмечал принципиальную невозможность исправления методом кодификации русских законов в силу их принципиальной противоречивости. Одни противоречия были в самих законах, другие заключались в началах, на которых они основывались. Поэтому российские законы нуждались в пересмотре, а не упорядочении.

В итоге приданием обязательной силы Своду законов сделали противоречивость характерной чертой построенной на его основе системы российского законодательства. Такой ошибки, по мнению М.А. Филиппова, можно было избежать, сохранив данное собрание как материал для последующего изменения законов. Использование Полного собрания законов, дополненного развернутыми комментариями, могло способствовать развитию отечественной юриспруденции до должного для кодификации уровня и стать лучшим замещением противоречивому Своду законов.

Другим недостатком умеренные критики кодификации называли способ выведения М. М. Сперанским общей нормы. Данные нормы, как полагали критики, сформированы из временных норм частных постановлений, имевших преходящее значение. В итоге решение по частным случаям приобрело значение общей нормы. При этом многие статьи сформулированы произвольно, исключены вступительные части актов, содержавшие историю дела и разъяснения, что затруднило их использование на практике.

Немало упреков было высказано и в отношении структуры Свода законов. При распределении материала искусственно разделен предмет регулирования, чем нарушена его целостность. Отдельные части Свода законов повторяли друг друга. В нем наблюдался переизбыток частных, мелких регламентаций и острый недостаток общих начал. Данное замечание следует признать справедливым, так как включением в текст кодифицированных актов норм по частным вопросам приводит к быстрому устареванию кодекса и снижению стабильности его действия [14, с. 21-28].

Свод Законов считали слишком громоздким по числу (постоянно растущему с 42 000 до 80 000 в начале 70-х годов XIX в.) статей. Внешняя стройность его формы с делением на тома, книги, разделы, главы создавала, по мнению критиков, иллюзию законченности дела кодификации и отсутствию необходимости в новом уложении.

Выводы из критических замечаний юристы делали разные. Одни, как например М.А. Филиппов, полагали, что Свод Законов имеет значение только как литературный памятник, охватывающий два века юридической истории России. В аспекте развития юридического метода он подчеркивал значимость разработанных М. М. Сперанским приемов систематизации нормативного материала. Однако, по мнению М.А. Филиппова, от Свода Законов больше вреда для юриспруденции, чем пользы [3, с. 10].

Полагаем, что ненаучная критика кодификационной деятельности Сперанского, представляющая собой лишь психологическую реакцию и отражающая личное отношение к кодификатору не заслуживает научного осмысления. Вместе с тем, научная и во многом верная критика Свода Законов подтвердила слова М.М. Сперанского, высказываемые им самим и записанные бароном Корфом о том, что данное собрание представляет собой предварительный материал для начала проведения кодификации, а не как ее завершение.

Давая оценку научной литературе о Своде Законов, можно выделить как ее негативные (неконструктивные), так и позитивные (конструктивные) аспекты. Неконструктивными считаем высказывания о неуместности придания Своду Законов высшей юридической силы, так как от М.М. Сперанского данное решение никак не зависело. Следует помнить, что инициатива проведения кодификации исходила от императора и цели кодификации были сформулированы на высочайшем уровне. Однако критики несправедливо упрекают в этом решении исполнителя.

Увлеченные идеями эпохи Просвещения критики полагали, что дело кодификации обусловлено естественным ходом исторического развития общества и просвещением народа. В качестве примера они брали Англию, в которой, по их мнению, сложность законодательства компенсировалась образованностью народа. Развитое чувство законности у англичан они считали главной причиной тому, что юридический строй Англии по праву считался лучшим в Европе. Их рассуждения о том, что если бы не М.М. Сперанский, то естественным ходом развития теории и судебной практики могла сложиться система российского законодательства спорны.

История XX – начала XXI в. демонстрирует иллюзорность данных представлений, в том числе и на примере России. Увеличение количества грамотных людей, юристов, образовательных учреждений, научных юридических трудов автоматически не приводит к осознанию необходимости изучения отечественного права, к выработке науки под влиянием общего прогресса правовых идей, составлению частных сводов [3, с. 11].

Тем более это касается кодификации. Данная масштабная операция по сведению огромного правового материала в единое целое обусловлена сложившимися историческими особенностями развития общества, в рамках которого она осуществляется. Поэтому использование модели кодификации одного общества для другого в расчете на успех в современной науке оспаривается. К примеру, отсутствие кодекса как результата развития законодательства в Англии или в Америке ошибочно считать общим правилом и распространять его на Россию.

Согласимся с Р. Кабрияком в том, что кодификация базируется на ценностях того общества, в котором она проводится. Понимание этого факта способствует укреплению государственного единства, установлению прочных социальных связей и мира.

Что касается теории кодификации, то, во-первых, ее формирование требует специальных исследований, не вытекающих из текущего политико-правового дискурса. Во-вторых, теория законотворчества не может сложиться исключительно из хода юридической практики, как полагали многие критики Свода законов. Практика сама по себе не складывается в общие положения. Для этого необходимы специалисты, обладающие соответствующими юридическими знаниями.

Заблуждением считаем и предлагаемую критиками возможность использования Полного собрания законов в качестве действующего источника права. Составление практических рекомендаций к его использованию не изменило бы того факта, что данное собрание представляло собой хронологически упорядоченное сведение принятых в разное время актов, многие из которых утратили актуальность и обладали лишь историческим значением. Реализация таких одновременно принятых актов могла обернуться многочисленными затруднениями для правоприменителей, их массовыми обращениями для разъяснений в вышестоящие органы.

Если в Своде законов отмечался недостаток общих начал и положений, то в Полном собрании законов они вообще отсутствовали. Поэтому альтернативой неразвитой, противоречивой, наполненной «отжитыми» понятиями теории Свода законов предлагалось полное отсутствие общих положений. Как представляется, такой вариант не стимулировал развитие теории права. Напротив, Свод Законов, порождая критику одновременно и давал толчок научной юридической деятельности, в том числе появлению научных исследований, посвященных технике кодификации.

Путь выработки частных сводов на основе Полного собрания законов обществом недовольным отсутствием твердых правовых основ государственного строя считаем не только утопическим проектом, но и угрожающим сохранению единых оснований позитивного права Российской империи. В деле кодификации недостаточно общественного интереса к юридическим идеям. Здесь требует сплав государственной воли к ее проведению и выбор кодификаторов, способных к осуществлению системной правовой реформы. Поэтому в отличие от критиков М.М. Сперанский предложил не «какой-нибудь», а реальный путь, по которому впоследствии пошли и другие кодификаторы отечественного права в XX веке.

В частности, опыт деятельности многочисленных частных кодификационных комиссий имелся в России в XVIII в. [5, с. 16]. Его изучение приводит к выводу о том, что осуществление дела кодификации в монархическом централизованном государстве снизу, при отсутствии развитых каналов взаимодействия общества и органов публичной власти, общественных организаций и профессиональных юридических союзов весьма затруднительно.

Действие Свода законов обозначило сферы с отжившими юридическими формами и определило направления, требующие модернизации. Например, в сфере судостроительства и судопроизводства. Реализация данного направления стала возможной только после проведения Крестьянской реформы 1861 г. Свод законов способствовал тому, что кардинальное реформирование отдельных сфер общественных отношений осуществлялось при наличии системы норм, поддерживающих правопорядок в целом. Его действие позволяло осуществлять смену старых юридических порядков новыми последовательно без революционных потрясений.

При массовом общественном недовольстве в первой половине XIX в. работой судебных учреждений, обвинении их в непрофессионализме, волоките, взяточничестве, произволе критику Сперанского за то, что он ограничил роль судебной практики, поставив ее под контроль закона считаем несправедливой и неконструктивной [3, с. 16]. Наличие при плохом отправлении правосудия правильных судебных решений можно признать абсурдом. В связи с невозможностью проведения судебной реформы в данный период, ограничение произвола судей законом было и остается действенной мерой борьбы с коррупцией. Сохранение приоритета закона и даже исключение судебной практики из числа источников права в современной России доказывает правоту Сперанского в данном вопросе.

И, наконец, важно заметить, что юристы второй половины XIX - начала XX в., как, впрочем, и современные ученые, критикуя Свод Законов, не провели всесторонних научных исследований Свода законов и Полного собрания законов. Работы, специально посвященные Своду Законов, немногочисленны. До сегодняшнего дня актуальным остается исследование П.М. Майкова [6], который вслед за А.В. Романовичем-Славатиным [7], Л.А. Кассо [8] указывал на отсутствие сочинений на эту тему и с XIX в. в этом плане мало что изменилось.

Негативными последствиями невнимания к самой масштабной кодификации в России стали затруднения в ее продолжении [9]. Поскольку рекодификация требовала соответствующих разработок о достоинствах и недостатках Свода законов, обоснованных выводов о путях его исправления или выбора иного пути кодификации. Отдельные должностные лица и ученые предлагали частные поправки в отношении конкретных статей и институтов [10, с.346], кардинальные меры, к примеру, о сокращении числа статей. Однако зачастую ни доказательств необходимости предлагаемых исправлений, ни конкретных способов их устранения инициаторы не давали. Примером такой критики считаем статью Н.М. Коркунова [11, с.95-107].

Вместе с тем, в критике Свода законов и других результатов кодификации Сперанского были и верные замечания, способствующие совершенствованию юридической техники.

Самые продуктивные замечания к Своду законов были сделаны самим М.М. Сперанским и его учениками – продолжателями дела кодификации [12]. К таким работам относится записка М.А. Корфа от 2 мая 1862 г., занимавшего должность главноуправляющего II СЕИВ канцелярии. В ней главным недостатком Свода законов он называл его пробельность (отсутствие многих важных постановлений) и наличие значительного числа устаревших или дублирующих норм [13, с. 303].

Барон Корф назвал основные причины этих недостатков. Прежде всего он указал на несовершенство идеи Свода Законов, состоявшей во включении в него всех законов, начиная с Соборного Уложения 1649 г. и не отмененных позднейшими актами. Тем самым в Свод Законов включили массу «забытых» актов, давно утративших актуальность [6, с.147-150].

Кроме того, при отсутствии четкой иерархии источников права, критериев разграничения закона и подзаконного акта в Свод законов попали акты, имевшие характер частных правил и даже различные циркуляры, и предписания [14, с. 33, 34]. Поэтому общие нормы в Своде Законов не отделены от казуистических норм.

Несовершенство метода кодификации подчеркнуло недостатки ее основной идеи. Последовало объединение и изложение норм законов, имевших разные начала, принятые разными ведомствами, без соотнесения их между собой и даже по смыслу. Корф объяснял такую ситуацию пробелами отечественного правоведения, отсутствием четких юридико-технических требований к закону и пробелами в теории закона.

Критическая записка Корфа сама стала объектом критики, в том числе высших сановников государства. К примеру, министр финансов полагал, что двусмысленные высказывания Корфа о необходимости знания законов при их несовершенстве препятствуют укреплению законности и уважения к законам государства.

Министр финансов выразил несогласие с Корфом по вопросу признания Свода законов единым кодифицированным актом. Свод Законов был практическим сборником действующих законов и при всех его недостатках, облегчил пользование законами, способствовал формированию и развитию научных понятий о законах и сохранил основы законодательного строя вплоть до распада Российской империи.

В дополнении к этому А.Н. Филиппов подчеркивал, что Свод законов не содержал умозрительных заключений, а включал только правила, выработанные жизнью в ее историческом развитии, и стал необходимой ступенью к составлению новых уложений [15, с. 7].

Н.К. Ренненкампф разделял все недостатки Свода законов на недоработки его составителей и ошибочность идеи его создания как объединения действующих законов [16].

Ряд критических замечаний и сегодня сохраняет актуальность. Их анализ и обобщение позволяет выделить правила проведения кодификации:

- кодифицированный акт должен содержать исходные (первоначальные) нормы, в частности нормы-принципы, нормы-начала, нормы-дефиниции, составляющие нормативный фундамент действующей системы законодательства;

- стабильность кодифицированного акта напрямую зависит от количества, содержащихся в нем предписаний частного или временного характера, связанных с решением задач текущего момента. Неизбежность их регулярного изменения приводит к постоянным поправкам в кодекс;

- кодекс не должен закреплять устаревшие или утрачивающие свою актуальность юридические формы. Кодификацию следует осуществлять с прицелом на будущее на основе целенаправленной, согласованной, научно обоснованной, всесторонне проработанной стратегии развития государства и позитивного права;

- кодекс должен иметь руководящие начала и базироваться на рациональных основаниях, быть сжатым и точным в изложении нормативных предписаний, отличаться стройностью внешних форм, единством основной идеи, метода ее осуществления и изложения в статье кодекса;

- проведение кодификации неуместно в период активных преобразований, реформирования и в переходные периоды. Социальная значимость кодекса состоит в закреплении устоявшихся правовых начал и нормативных предписаний. Проведение преобразований вызывает их ревизию и тем самым искусственно продлевает кодификацию, влечет постоянные изменения в кодексы;

- кодификация осуществляется в соответствии с общепринятыми нравственными началами и требованиями общества, право которого подлежит систематической переработке. Среди основных нравственных требований к кодификации можно выделить соответствие общесоциальным и общечеловеческим принципам и ценностям базовых положений, закладываемых в основание кодексов и иных кодифицированных актов; историческая обусловленность кодификационной деятельности, сохранение преемственности и согласованность с предыдущим юридическим опытом.

Подводя итоги, различных дискуссий о Своде законов, проходивших во второй половине XIX в. отметим, что в их ходе не удалось доказать ненужность или ошибочность его составления. В результате было принято высочайшее решение о дальнейшем ходе кодификации в направлении создания уложений по различным отраслям права при сохранении и доработке Свода законов на переходный момент. Такая стратегия, озвученная бароном Корфом в 1862 г., фактически являлась продолжением плана кодификации М.М. Сперанского.

Список источников

1. Шимановский М.В. О значении свода законов Российской империи для науки и жизни (Речь тов. Пред. Одес. Юрид. об-ва. М.В. Шимановского, произнесенная в торжественном заседании 11 февраля 1889 г., посвященном памяти М.М. Сперанского). Одесса: Экон. Тип., 1889. 91 с.
2. Шатковская Т.В. Применение исторического метода в российском законодотворчестве первой половины XIX.: от практики к теории // Государство и право. 2023. № 5. С. 181–191.
3. Филиппов М.А. Судебная реформа в России / [соч.] М.А. Филиппова. СПб., 1871–1875. Т. 1. 623 с.
4. Шатковская Т.В. Техника кодификации М. М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 19–30.
5. Андреевский И.Е. О значении разработки архивов для успехов кодификации // Наблюдатель. 1882. Июль. С. 16–24.
6. Майков П. М. О Своде законов Российской империи (под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова). М.: «Зерцало», 2006. 189с.
7. Романович-Славатинский А.В. Пособие для изучения русского государственного права по методу историко-догматическому. Вып. 2. Киев, 1872. 111с.
8. Кассо Л. А. К истории Свода законов гражданских. СПб.: Сенатская типография, 1904. 39 с.
9. Попов А. Н. Записка о девятом томе Свода Законов. СПб., 1867. 17с.
10. Пахман С. В. История кодификации гражданского права. СПб., 1876. Т. 2. 485 с.

11. Коркунов Н. М. Значение свода законов // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 9. С. 95-117.
12. Неведьев Е. А. Причины и цель издания Полного Собрания и Свода законов с точки зрения Сперанского – конвалют. изд. Казань: Типография Губернского Правления, 1889. 81с.
13. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. 388с.
14. Ивановский В. В. Указ и закон по действующему русскому законодательству // Журнал Министерства Юстиции. 1912. № 5. С. 1-35.
15. Филиппов А. Н. К вопросу о составе Первого Полного Собрания Законов Российской Империи. М.: Печатня А. Снегиревой, 1916. 138 с.
16. Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. Киев: Т-во печ. Дела и торговли И. Н. Кушнерев и К, в Москве. Киев. Отд-ние, 1889. 293 с.

References

1. Shimanovsky M.V. *On the significance of the code of laws of the Russian Empire for science and life (Speech by Comrade Pred. Odessa. Legal. about va. M.V. Shimanovsky, delivered at a ceremonial meeting on February 11, 1889. dedicated to the memory of M.M. Speransky)*. Odessa: Economy. Typ. 1889. 91 p. (In Russ.)
2. Shatkovskaya T. V. Application of the historical method in Russian lawmaking in the first half of the 19th century: from practice to theory. *State and Law*. 2023;(5):181-191. (In Russ.)
3. Filippov M. A. *Judicial reform in Russia*. St. Petersburg; 1871-1875. Vol. 1. 623 p. (In Russ.)
4. Shatkovskaya T. V. Codification technique of M. M. Speransky: reform or compilation? *Journal of Russian Law*. 2022;26(5):19-30. (In Russ.)
5. Andreevsky I. E. On the importance of developing archives for the success of codification. *Observer*. 1882. July. 16-24. (In Russ.)
6. Maikov P. M. *On the Code of Laws of the Russian Empire* (edited and with a foreword by V.A. Tomsinov). Mirror; 2006. 189 p. (In Russ.)
7. Romanovich Slavatskiy A. V. *A manual for studying Russian state law using the historical-dogmatic method*. Issue 2. Kyiv; 1872. 111 p. (In Russ.)
8. Kasso L. A. *On the history of the Code of Civil Laws*. St. Petersburg: Senate Printing House; 1904. 39 p. (In Russ.)
9. Popov A. N. *Note on the ninth volume of the Code of Laws*. St. Petersburg; 1867. 17 p. (In Russ.)
10. Pakhman S. V. *History of the codification of civil law*. St. Petersburg; 1876. Vol. 2. 485 p. (In Russ.)
11. Korkunov N. M. The meaning of the code of laws. *Journal of the Ministry of Public Education*. 1894;(9):95-117. (In Russ.)
12. Nefediev E. A. *The reasons and purpose of publishing the Complete Assembly and the Code of Laws from Speransky's point of view are concurrencies*. Kazan: Printing house of the Provincial Board; 1889. 81 p. (In Russ.)
13. Korf M. A. *The life of Count Speransky*. St. Petersburg; 1861. Vol. 2. 388 p. (In Russ.)
14. Ivanovsky V. V. Decree and law according to current Russian legislation. *Journal of the Ministry of Justice*. 1912;(5):1-35. (In Russ.)
15. Filippov A. N. On the question of the composition of the First Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Moscow: Printing house of A. Snegireva; 1916. 138 p. (In Russ.)
16. Rennenkampf N. K. *Legal encyclopedia*. Kyiv; 1889. 293 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. Ю. Клеветова – аспирант кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

E. Yu. Klevetova - Postgraduate student of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 19.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.